ВЪ ДВУХЪ ПАНСІОНАХЪ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній моей матери).

I. Частный пансіонъ г-жи Ко́заковой.

Однажды въ теплый осенній день 183... года, къ дому г-жи Ко́заковой, содержательницы частнаго женскаго пансіона въ с. Крапивно, полтавской губуберні, подъ ѣхала шестерней съ форейторомъ дорожняя коляска, изъ которой, съ помощью доморощеннаго лакея, проворно соскочившаго съ козелъ, вышла пожилая, средняго роста, полная дама въ траурѣ, съ двумя дѣвочками, девяти и семи лѣтъ, тоже въ траурѣ. За ними слѣдомъ вылѣзла изъ своего уютнаго сидѣнья позади экипажа и ихъ горничная, крѣпостная дѣвка, облеченная въ пестрое, клѣтчатое, домашняго тканья платье, въ темное пальто, платокъ и въ грубые башмаки на босую ногу.

На встрѣчу пріѣзжимъ, выбѣжала на крыльцо прелестная дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, съ длинными, черными, меланхолическими глазами, одѣтая въ сѣрое, полутраурное платьице, съ наброшенной сверху на скорую руку, пунцовой, шелковой мантильей, — что необыкновенно шло къ ея оригинальному, смугло-оливковому, съ тонкими чертами личику и изсиня-чернымъ густымъ волосамъ, гладко зачесаннымъ назадъ.

— Дома m-me Козакова?—спросила дама, слегка дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Мамаша дома,—отвѣчала дѣвочка, окидывая мягкимъ, сострадательнымъ взглядомъ траурный нарядъ посѣтительницъ,—пожалуйте!—прибавила она и повела ихъ черезъ сѣни во внутренніе покои дома.

Въ гостинной пріѣзжихъ привѣтствовала сама хозяйка—высокая, полная и красивая женщина лѣтъ сорока, съ величавой осанкой, съ бѣлымъ, румянымъ лицомъ, добрыми карими глазами и темными слегка вьющимися отъ природы волосами... На ней была бѣлая батистовая распашная блуза, съ богатой вышивкой, и кружевной чепчикъ, подвязанный у подбородка пышнымъ бантомъ.

Дама отрекомендовалась Матреной Васильевной Б—ой, вдовой-помѣщицей ч—ой губ., и просила г-жу Кóзакову принять ея дѣвочекъ къ себѣ въ пансіонъ.

Но на это Ольга Ивановна отвѣчала мягкимъ, хотя и категоричнымъ отказомъ, такъ какъ, по ея словамъ, у нея уже есть десять воспитанницъ и больше держать она не будетъ.

Но когда она услышала, что Матрена Васильевна, обратившись чего-то къ старшей дочери, назвала ее „Наденькой", она вдругъ заплакала и сразу перемѣнила свое рѣшеніе, объяснивъ, что она недавно потеряла уже взрослую дочь такого же имени; и что пусть эта Наденька будетъ ей напоминать ту, которой она больше не увидитъ... При этомъ она указала на висѣвшій на стѣнѣ портретъ, обернутый чернымъ крепомъ.

Такимъ образомъ Наденька и Сашенька, благодаря случайно произнесенному дорогому имени, остались въ пансіонѣ, и г-жа Кóзакова съ первыхъ же дней выдѣлила ихъ, какъ своихъ любимицъ, между другими воспитанницами.

Матрена Васильевна, послѣ дружественнаго, сердечнаго пріема Ольги Ивановны, сразу сблизившаго этихъ двухъ совершенно незнакомыхъ женщинъ, въ тотъ-же день, пообѣдавъ только здѣсь, уѣхала домой.

Пансіонъ г-жи Кóзаковой, вдовы полковника, находился въ ея собственномъ имѣніи; держала она его исключительно

для своей дочери Ашеньки, такъ какъ въ средствахъ она не нуждалась.

Обширная усадьба была живописно расположена на холмѣ надъ кручею, за которою, верстахъ въ двухъ, темнѣла густая дубовая роща.

Одноэтажный, съ желѣзной зеленой крышей домъ фасадомъ выходилъ въ огромный дворъ, посреди котораго зеленѣла бархатистая лужайка, отдѣленная низенькой рѣшеткой отъ усыпанной пескомъ дороги, идущей отъ воротъ къ дому и широкой лентой окаймляющей ее вокругъ.

Вправо отъ дома находился флигель,—а далѣе за домомъ великолѣпный, полуфруктовый садъ, красивыми террасами спускавшійся къ большому, глубокому пруду, гдѣ на берегу была устроена купальня для воспитанницъ.

Выходъ изъ дома въ садъ былъ черезъ балконъ, увитый плющемъ, и отъ него прямо лежала широкая дорожка, по сторонамъ которой возвышались среди газона яркія, пестрыя клумбы всевозможныхъ цвѣтовъ... Передъ окнами флигеля была разбита цѣлая площадка, засѣянная однѣми душистыми гвоздиками, самыхъ разнообразныхъ колеровъ... На нижней террассѣ стояли качели. Была еще въ саду, въ глубинѣ сбоку, подъ самымъ заборомъ, какая-то таинственная аллея изъ желтой акаціи, сильно запущенная, гдѣ случилось когда-то что-то ужасное, и воспитанницы боялись туда ходить... Словомъ, тутъ для дѣтей лѣтомъ было не житье, а рай!...

Въ домѣ обитала сама Ольга Ивановна со своимъ меньшимъ сыномъ Игоремъ, (ея старшій сынъ, Володенька, служилъ на Кавказѣ въ гусарскомъ полку), а во флигелѣ былъ собственно пансіонъ, состоявшій подъ непосредственнымъ надзоромъ Ашеньки, которая тамъ и жила вмѣстѣ съ воспитанницами.

Въ лѣтнее время дѣти вставали въ 5 ч. утра, (зимою въ 6 ч.) и тотчасъ шли къ пруду купаться (зимою обтирались холодной водою) въ сопровожденіи Ашеньки и Арины—крѣпостной довѣренной горничной г-жи Козаковой, дѣвки лѣтъ сорока, рябой и некрасивой, но которая, между прочимъ, вы-

шла впослѣдствіи замужъ за чиновника, благодаря скопленнымъ ею себѣ въ приданное за свою долголѣтнюю службу десяти тысячамъ!... (большею частью она получала дорогіе подарки отъ богатыхъ родственниковъ воспитанницъ).

Иногда барышенъ сопровождала престарѣлая ключница Марьюшка—мать Арины.

Выкупавшись, дѣвочки принимали по нѣсколько капель скипидару и бѣгали въ саду или на лужайкѣ, пока не согрѣются. Тогда имъ давали на завтракъ чернаго хлѣба съ молокомъ, послѣ чего онѣ отправлялись для какой-нибудь работы въ саду, напр., рвать малину, но съ обязательнымъ условіемъ не ѣсть ни одной ягодки: онѣ потомъ угощались ею со сливками.

Въ 9 ч. утра начинался классъ, продолжавшійся до 12, т. е., до обѣда. Послѣ обѣда сейчасъ всѣ дѣвочки ложились на голомъ полу на спинѣ минутъ на двадцать, чтобы „лопатки не выдавались“... Для этой-же цѣли имъ продѣвали сзади за локти линейку.

Отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дѣти опять учились, а отъ 6 приготовляли уроки на завтра.

Во время рекреацій воспитанницы бѣгали въ саду или на лужкѣ передъ домомъ; зимою катались съ ледяныхъ горъ или занимались рукодѣльемъ: вышиваньемъ по бумажной канвѣ, вязаньемъ кошельковъ изъ гарусу и шелку, и т. п...

Въ 8 ч. ужинали и въ 9 ложились спать.

Въ дортуарѣ, довольно большой комнатѣ, съ трехъ сторонъ, изголовьемъ къ стѣнѣ, стояли рядами кровати, и въ промежуткахъ между ними по одному стулу для платья. Постель состояла изъ сѣнника, подушки, двухъ простынь и одѣяла: лѣтомъ бѣлаго, пикейнаго, зимою ватнаго, ситцеваго, съ турецкими цвѣтами. Все было здѣсь чисто, опрятно и уютно.

Кровати Наденьки и Сашеньки, какъ привиллегированныхъ особъ, стояли отдѣльно въ углу, за ситцевой занавѣской, повѣшенной на длинномъ, кругломъ бревнѣ, конецъ котораго выступалъ впередъ и служилъ для гимнастическихъ упражненій: каждая пансіонерка, вскочивъ утромъ съ постели, подбѣгала къ бревну, прицѣплялась къ нему руками и висѣла та-

кимъ образомъ нѣсколько мгновеній, пока выдержитъ. Тутъ-же стоялъ продолговатый деревянный ящикъ, вродѣ сигарнаго, куда дѣвицы становились въ первой позиціи на нѣкоторое время...

По одну сторону дортуара была конурка Марьюшки, по другую—комната Ашеньки, куда дверь всегда была открыта и гдѣ всю ночь горѣла у образовъ лампадка.

Классная служила также и столовой. Обѣдъ состоялъ всегда изъ трехъ блюдъ, ужинъ—изъ двухъ. Лѣтомъ полагался легкій полдникъ, а по воскресеньямъ прилежнымъ ученицамъ подавалась къ завтраку чашка шоколаду. Вообще кормили здѣсь вкусно и сытно, и провизія была первой свѣжести.

Лѣтомъ пансіонерки ходили въ платьяхъ какого угодно цвѣта и матеріи, только обязательно декольте и въ бѣлыхъ передникахъ съ нагрудникомъ; зимою-же платье должно было быть непремѣнно шерстяное, зеленое или коричневое, передникъ черный, и на обнаженныя шею и руки надѣвались бѣлая пелеринка и такіе-же рукава. Поверхъ лифовъ воспитанницы носили корсажи, синіе бархатные или пунцовые сафьянные, зашнуровывающіеся сзади, со вставленными съ каждой стороны на лопаткахъ наискось по пяти косточекъ китоваго уса. Спереди былъ только высокій поясокъ, тоже зашнуровывавшійся, а грудь оставалась свободной.

Учителей было три: учитель русскаго языка, учитель нѣмецкаго и вмѣстѣ музыки, и учитель рисованья; кромѣ того, былъ еще регентъ, учитель пѣнія. Но въ воспоминаніи моей матери (Наденька) остались только Ѳома Яковлевичъ, учитель нѣмецкаго языка и музыки, добрѣйшій и симпатичнѣйшій старичокъ—нѣмецъ, да учитель русскаго языка, который, между прочимъ, когда однажды Ольга Ивановна куда-то уѣхала, въ ея отсутствіе каждый день напивался пьянъ и колотилъ учениць линейкой по плечамъ, такъ что одна изъ воспитанницъ, Катя Линькевичъ о которой рѣчь еще будетъ впереди, не иначе являлась въ классъ на его урокъ, какъ въ мѣховой шубкѣ.

Возвратившись и узнавъ о безобразіяхъ учителя, г-жа Козакова тотчасъ его уволила и на его мѣсто приняла другого.

Французскимъ языкомъ занималась сама Ольга Ивановна, а также слѣдила и за другими предметами. Когда-же она выѣзжала изъ дому, то на свое мѣсто приглашала одну старую знакомую нѣмку, по имени Еву Федоровну, но какъ ея фамилія—мать рѣшительно не помнитъ.

Распредѣленіе уроковъ въ теченіе недѣли было такое:

Русскій языкъ—понедѣльникъ и четвергъ.

Французскій яз.—вторникъ и пятница.

Нѣмецкій яз.—среда и суббота.

По четвергамъ былъ также танцклассъ подъ руководствомъ Ашеньки, причемъ на скрипкѣ игралъ крѣпостной человѣкъ, данный на время въ пансіонъ однимъ бѣднымъ помѣщикомъ, въ видѣ платы за ученіе его дочери.

По русски говорить вовсе не дозволялось, даже съ прислугой: надо было сперва сказать по французки, а потомъ перевести по русски. (Исторію, географію и священную исторію учили по французски). Нарушительницѣ этого правила надѣвалась на шею на шнуркѣ квадратная деревянная дощечка, съ надписью крупными буквами: „Pour avoir parler russe“, и виновная лишалась послѣдняго блюда за обѣдомъ. Обыкновенно какая нибудь изъ воспитанницъ, которой это блюдо было не по вкусу, принимала на себя дощечку... Само собою разумѣется, такія продѣлки были извѣстны начальницѣ, но она, по своей обычной добротѣ, сквозь пальцы смотрѣла на это...

Каждая ученица дежурила по очереди недѣлю, т. е. она должна была смотрѣть за порядкомъ въ классѣ, приготовлять разныя учебныя принадлежности, линеять тетради, чинить карандаши, чинить перья, наливать чернило и т. п. Какъ знакъ своего дежурства, она носила на правомъ плечѣ кокарду изъ голубой ленты.

Большинство воспитанницъ имѣли своихъ горничныхъ, привезенныхъ изъ дому. У Наденьки и Сашеньки была нѣкая Авдотья, старая дѣва, страшно безобразная, скупая и злая, но,

какъ собака, преданная своимъ господамъ и яростно защищавшая интересы барышенъ, даже иногда противъ ихъ собственной воли и желанія.

Такъ напр., однажды Наденька дала надѣть въ церковь свою мантилью одной бѣдной сироткѣ-ученицѣ, гардеробъ которой былъ весьма скуденъ. Узнавъ объ этомъ, Авдотья побѣжала за несчастной дѣвушкой и подъ самой церковью сорвала съ нея злополучную мантилью.

Въ другой разъ какъ-то, въ отсутствіе г-жи Казаковой, дѣти собрались подлѣ качели. Ашенька и другая дѣвочка качались, а Наденька, стоя позади, подталкивала качели. Въ это время Ева Федоровна проходила мимо и крикнула имъ:

— Ради Бога, дѣти, поосторожнѣй!.. я за васъ отвѣчаю...

Испуганная внезапнымъ окликомъ, Наденька сразу остановилась, забывъ отскочить назадъ, и въ тоже мгновеніе, качели, сильно раскачавшись, съ розмаху ударили ее въ голову и она упала безъ сознанія, обливаясь кровью.

Ашенька такъ и слетѣла сверху, чуть не сломавъ себѣ ноги, и бросилась къ безчувственной дѣвочкѣ.

Наденьку отнесли къ пруду и стали олтивать водой.

Первыя ея слова, когда она пришла въ себя, были:

— Что скажетъ Авдотья?!..

Дѣйствительно, во что бы то ни стало, надо было скрыть отъ нея это печальное приключеніе!...

Рану перевязали, и, чтобы не такъ было замѣтно, Наденька прикрыла голову, какъ бы отъ солнца, Сашенькинымъ газовымъ платочкомъ.

Но не тутъ то было!.. Авдотья подняла страшный крикъ, что платочекъ „полиняетъ“, рѣзко сорвала его съ головы Наденьки, но увидѣвъ рану, заголосила на весь дворъ, что всѣ „обижаютъ ея маленькихъ барышенъ“!...

Она была до того скупа, что напр., починяя барышнямъ платья, клала заплаты изъ лоскутковъ совсѣмъ другой матеріи, выпрошенныхъ ею у кого нибудь; обрѣзки-жъ отъ платьевъ она

бережно прятала къ себѣ въ сундукъ—конечно, не для кого иного, какъ опять таки для своихъ же „барышень“, про всякій случай...

Участь Авдотьи вышла подъ конецъ довольно печальна, вслѣдствіе неожиданно совершеннаго ею скандала: въ 45 лѣтъ, будучи дѣвицей, она родила, и была за это изгнана на вѣчныя времена изъ милыхъ ея сердцу барскихъ покоевъ...

По воскресеньямъ воспитанницы отправлялись въ кухню учиться кулинарному искусству, и даже сами носили для этого дрова; а на обязанности дежурной лежало также хлопотать въ домѣ при пріемѣ гостей.

Въ награду за прилежаніе и хорошее поведеніе, полагалась, какъ я уже говорила, чашка шеколаду къ завтраку по воскресеньямъ; кромѣ того, Ольга Ивановна брала лучшихъ воспитанницъ къ себѣ въ коляску на свою обычную праздничную прогулку въ дубовую рощу, и наконецъ, онѣ получали въ свое полное распоряженіе по нѣсколько кустовъ ягодъ. Такъ напр., Наденька и Сашенька—каждая имѣла по 14 кустовъ черной и красной смородины и крыжовнику.

Эти маленькія радости, сами по себѣ незначительныя, имѣютъ большой смыслъ въ жизни дѣтей и чрезвычайно какъ ихъ поощряютъ...

Вообще, Ольга Ивановна была прекрасная воспитательница, близко знакомая съ природой ребенка, и тепло, по матерински, относилась въ ввѣреннымъ ея попеченіямъ чужимъ дѣтямъ. За то и воспитанницы, въ буквальномъ смыслѣ слова, ее обожали, и не было для нихъ большей радости, какъ поцѣловать, хоть украдкой, бѣлую, полную красивую руку ихъ „maman“...

Ашеньку тоже очень любили за ея необыкновенно кроткій и тихій нравъ, имѣвшій оттѣнокъ какой-то мягкой, нѣжной меланхоліи. Развита и серьезна она была не по лѣтамъ.

Ея меньшой братъ Игорь, наоборотъ, былъ капризный и своенравный мальчикъ и далеко не пользовался общими симпатіями.

У него была сломана нога еще въ раннемъ дѣтствѣ, и онъ ходилъ на костыляхъ; — это было для него привиллегированнымъ положеніемъ, которымъ онъ сильно злоупотреблялъ. Такъ напр., онъ заставлялъ воспитанницъ каждый день катать себя вокругъ стола въ классной, на огромной, грифельной доскѣ, запрягая ихъ по три въ рядъ по очереди. Если импровизированные кони плохо бѣжали, онъ расправлялся съ ними костылемъ...

На головѣ онъ носилъ всегда красную, вязанную изъ гаруса шапочку, и когда его ставили на колѣни за какую нибудь провинность—что, къ слову сказать, случалось съ нимъ весьма не рѣдко—онъ снималъ ее съ головы и подкладывалъ подъ больное колѣно.

Лицомъ онъ походилъ на мать и былъ такихъ лѣтъ, какъ Сашенька. Сашеньку онъ только и удостоивалъ своей дружбы, и то вѣроятно, потому что ихъ связывали общіе интересы: у нихъ была галка, которую они гдѣ-то подняли искалѣченной и держали ее въ землянкѣ, выкопанной ими-же въ саду, куда они носили ей, подъ покровомъ непроницаемой тайны, пищу... Кромѣ того, въ концѣ сада, въ яру было множество полудикихъ яблонь, съ которыхъ они собирали фрукты, закапывали ихъ въ землю, и затѣмъ ѣли ихъ приморожеными, что было очень вкусно.

Такимъ образомъ, благодаря этой почетной дружбѣ, Сашенька одна была избавлена отъ общей повинности катать маленькаго деспота на грифельной доскѣ, или на опрокинутыхъ стульяхъ, когда доску разбили.

Мать видала впослѣдствіи Игоря уже студентомъ Нѣжинскаго лицея. Онъ ходилъ уже безъ костылей, только съ тросточкой, и едва замѣтно хромалъ.

Изъ подругъ врѣзалась въ ея память болѣе другихъ Катя Линькевичъ, о которой я уже упоминала.

Ее привезли черезъ два года послѣ поступленія Б—хъ въ пансіонъ. Она была также лишней противъ положеннаго числа пансіонерокъ, но Ольга Ивановна приняла ее, склонившись на мольбы и просьбы ея матери.

Катенькѣ было тогда лѣтъ десять; собою хорошенькая, миловидная блондинка, но страшно лѣнивая... Она совсѣмъ не учила своихъ уроковъ, и на всѣ замѣчанія учителей, съ наглымъ видомъ отвѣчала:

— Да сто—зъ, езели я знаю!—и, конечно, ничего не знала.

Говорили, что мать ея, очень богатая женщина (у Катеньки былъ великолѣпный гардеробъ), не любила почему-то дѣвочки и держала ее на кухнѣ, пока ей не посовѣтовали отвезти ее въ пансіонъ Козаковой.

Помнится моей матери такой эпизодъ.

Однажды, когда г—жа Линькевичъ пріѣхала навѣстить Катеньку и ей пожаловались на нее, она, ко всеобщему изумленію, сняла съ головы чепецъ, подошла къ образамъ и торжественно стала проклинать дочь...

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ребенокъ, при такихъ нечеловѣческихъ отношеніяхъ къ нему родной матери, выросъ ненормальнымъ!.. Дѣйствительно, Катенька была неисправимо порочна. Особенно въ ней была сильно развита склонность къ воровству. Никакія наказанія не дѣйствовали!.. Ее лишали послѣдняго блюда за обѣдомъ, лишали чашки шоколада въ воскресенье, ее не брали на прогулку въ рощу... Наконецъ, ее наряжали въ шутовской костюмъ и ставили на колѣни — высшая мѣра наказанія,—ничто не дѣйствовало... Она плакала, просила прощенія, и затѣмъ опять принималась за свое...

Однажды какъ-то вечеромъ Катенька стояла на колѣняхъ въ дортуарѣ за какую-то подобную провинность. Для вящаго позора на ней былъ надѣтъ шутовской нарядъ, состоявшій изъ длиннаго парусиноваго балахона и бумажнаго колпака съ ослиными ушами.

Въ это время пріѣзжаютъ гости—три сына графа Д—на, соученики Володеньки, старшаго сына г—жи Козаковой, и, не зная расположенія комнатъ во флигелѣ, (домъ тогда перекрашивался) по ошибкѣ прямо входятъ въ дортуаръ. Захваченная врасплохъ въ столь неавантажномъ видѣ, Катенька (большая кокетка) быстро срывается съ мѣста и прячется подъ кровать. Когда гости удалились, Катенька стала умолять Наденьку,

чтобы она походатайствовала за нее передъ начальницей, обѣщая, въ случаѣ успѣха, подарить ей давно соблазнявшую ее шкатулочку, украшенную цвѣтами изъ фольги подъ стекломъ. (Такія шкатулочки продавались тогда въ большомъ количествѣ на мѣстныхъ ярмаркахъ)

Ольга Ивановна долго не соглашалась на просьбы своей любимицы, но наконецъ сказала:

— Хорошо, я ей позволяю выйдти, но помните, Наденька, если еще разъ подобное повторится, я *васъ* накажу.

Катенька, какъ ни въ чемъ не бывало, вышла, по обыкновенію рисуясь, къ гостямъ, но въ ту-же ночь украла у Наденьки подаренную шкатулочку, увѣренная что та въ собственныхъ же интересахъ не пожалуется на нее.

Впрочемъ, надобно сказать, тамъ вообще не было въ обычаѣ „ябедничать“, и даже это считалось позорнымъ.

Помнятся еще матери двѣ сестры Ольшанскія, Улинька и Сонечка, генеральскія дочки.

Старшая Улинька, уже взрослая дѣвушка и замѣчательная красавица, съ синими глазами и черными, какъ смоль, волосами, была, къ несчастью, глуха, и съ нею надо было говорить черезъ рожокъ. Однако, не смотря на свой тяжкій, физическій недостатокъ, она отлично училась, прекрасно играла на фортепьяно и была очень добра.

Сонечка — меньшая, маленькая, худенькая и блѣдная съ некрасивымъ лицомъ дѣвочка, въ противоположность старшей сестрѣ, была сущій бѣсенокъ, такъ-что ее не терпѣли въ пансіонѣ. Между прочимъ, въ своихъ стычкахъ съ Наденькой и Сашенькой, она постоянно ихъ дразнила словомъ „пампу́шка“, а онѣ её — „вода̀“... Дѣло въ томъ, что у Б—хъ одинъ изъ братьевъ назывался „Помпей“ („пампу́шка“), а у Сонечки былъ братъ „Вадимъ“ (вода̀).

Однажды ночью, когда всѣ уже спали, пріѣхалъ Володенька, котораго нѣкоторыя воспитанницы еще не видали.

Очень смуглый, съ неправильными, но пріятными чертами лица, черными, огненными глазами и черными кудрями, стат-

ный и высокій, двадцатилѣтній юноша хоть кого могъ очаровать. Когда онъ вышелъ утромъ на крыльцо въ своей полной гусарской формѣ—голубой шитый серебромъ мундиръ, съ небрежно наброшеннымъ краснымъ отороченнымъ чернымъ барашкомъ ментикомъ и въ киверѣ,—воспитанницы такъ и ахнули отъ восторга, а одна изъ нихъ, Текла Мосіенкова, сельская, простодушная панночка, закрывъ глаза руками, въ какомъ-то экстазѣ воскликнула:

— Де въ мене очи!...

Конечно, нечего и говорить, что всѣ безъ исключенія барышни были влюблены въ красавца—гусара.

Въ другой разъ Володенька неожиданно пріѣхалъ вечеромъ, когда воспитанницы еще только ложились спать. Какъ разъ въ ту пору флигель передѣлывался, и пансіонъ на время былъ переведенъ въ домъ. Не зная ничего объ этихъ перемѣнахъ, Володенька направился въ залу, открылъ двери и остановился на порогѣ пораженный. Его изумленнымъ взорамъ представилась слѣдующая картина:

Предполагаемая зала оказалась дѣвичьимъ дортуаромъ, и воспитанницы, собираясь ложиться, были болѣе или менѣе дезабилье и въ самыхъ непринужденныхъ позахъ... Однѣ изъ нихъ уже лежали въ постели, другія бѣгали въ однѣхъ сорочкахъ, ловя другъ дружку, третьи съ пронзительнымъ визгомъ и хохотомъ боролись и барахтались на кроватяхъ, и т. д. Словомъ—непринужденность полная!.. При видѣ неожиданнаго посѣтителя, шалуньи подняли отчаянный крикъ, и—sauve qui peut!—попрятались кто куда могъ...

Молодой человѣкъ растерянно стоялъ нѣсколько мгновеній не двигаясь съ мѣста, и потомъ, какъ бы внезапно рѣшившись, быстро и не глядя по сторонамъ, прошелъ черезъ комнату и вышелъ въ противоположную дверь. Послѣ этого, онъ тотчасъ прислалъ дѣвицамъ по огромному, румяному яблоку, вѣроятно въ утѣшеніе за невольно причиненный испугъ.

На другой день Володенька, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтился съ пансіонерками и братски расцѣловалъ каждую,

но онѣ чувствовали себя съ нимъ очень неловко послѣ вчерашняго приключенія, хотя, конечно, были теперь влюблены въ него болѣе чѣмъ когда либо. Такъ напр., онѣ рѣшились не умываться, чтобы не смыть *его поцѣлуя*, и только Ольга Ивановна, случайно узнавъ объ этомъ, заставила ихъ перемѣнить свое намѣреніе.

Въ другой разъ Сашенька потеряла въ саду свой газовый лиловый съ мушками платочекъ, и Володенька, нашедши его, отдалъ ей.

— Счастливица!.. счастливица!... зашептали съ завистью ученицы и просили Сашеньку дать имъ поцѣловать этотъ платочекъ, который побывалъ въ *его* рукахъ. Но Сашенька не согласилась на такую жертву и ревниво спрятала его къ себѣ подъ подушку.

Между тѣмъ, Володенька заболѣлъ—у него сдѣлалась обморочная лихорадка—и онъ, подавъ рапортъ о болѣзни, остался дома до выздоровленія.

Такъ какъ въ комнатѣ его было холодно, то онъ перебрался въ Ашенькину, которая была смежна съ залой, гдѣ стоялъ рояль.

Однажды вечеромъ Наденька, вообще со способностями къ музыкѣ, играла мазурку—и должно быть, очень хорошо играла, такъ какъ Володенька, когда она кончила, съ восторгомъ крикнулъ ей изъ своей комнаты:

— Еще!.. еще!.. повторите!...

— (Счастливица!.. счастливица!.. зашептали подруги вокругъ).

Наденька, поощренная, расшалилась, и, проигравъ еще разъ, вскочила, подбѣжала къ дверямъ, и, махая руками, крикнула, копируя горничную:

— Панычу, васъ барыня клычуть!....

Володенька ничего не сказалъ, но велѣлъ позвать къ себѣ Ашеньку.

На другой день, во время класса, когда Игорь и Наденька должны были отвѣчать урокъ, входитъ Володенька, суровый и мрачный, какъ туча, и заявляетъ, что онъ желаетъ присутство-

вать при урокахъ, такъ какъ онъ слышалъ, что не всѣ учатся какъ слѣдуетъ. При этомъ онъ сдѣлалъ выговоръ Ашенькѣ, что она плохо присматриваетъ за ученицами.

Ольга Ивановна, сильно встревоженная, спросила въ чемъ дѣло.

— Да это-жъ все Наденька!... закоренѣлая мужичка!... съ сердцемъ отвѣчалъ Володенька

— (Счастливица!.. счастливица!.. послышалось со всѣхъ сторонъ).

Очень взволнованная Наденька страшно путалась и сбивалась въ урокѣ и ее поставили въ уголъ. Что касается Игоря, вообще плохо учившагося и даже умудрявшагося какъ-то во время уроковъ помѣшать написанные отвѣты позади Ольги Ивановны, то Володенька самъ взялся заниматься съ нимъ, что было весьма прискорбно для послѣдняго, такъ какъ его новый учитель оказался очень строгимъ, взыскательнымъ, да и къ тому же, послѣ болѣзни, нестерпимо раздражительнымъ.

Игорь въ ту пору былъ такой жалкій, тихій, вѣчно заплаканный, что его даже искренно жалѣли его бывшіе враги!....

Впрочемъ, Володенька скоро уѣхалъ.

Случился въ пансіонѣ однажды такой скандалъ.

У Ольги Ивановны была на послугахъ крѣпостная дѣвочка Сонька, лѣтъ четырнадцати.

Воспитанницы шутя ее выучили французскому языку, французскимъ баснямъ и танцовать „цыганку“;
но русской грамотѣ она не знала.

Какъ-то ключница Марьюшка перехватила любовное письмо къ лакею, отъ имени Соньки, но неизвѣстно кѣмъ писанное.

Вышелъ страшный переполохъ.

Примѣчаютъ дѣти, что случилось что-то необыкновенное, ужасное, зловѣщее, но что—не знаютъ, а только мучаются различными догадками и предположеніями....

Наконецъ ихъ зовутъ въ домъ къ начальницѣ и кто-то изъ воспитанницъ шепчетъ:

— Тамъ Марьюшка съ розгами!...

Это производитъ панику... Дѣти дрожатъ и едва могутъ идти.. Только одна Людмила, дочь экономa С—го, которую мѣсяцъ тому назадъ взяли учить русской грамотѣ, какъ ни въ чемъ не бывало скачетъ на одной ногѣ и сама себѣ бойко припѣваетъ: „тятя, тятя, наши сѣти притащили мертвеца“!..

Ее останавливаютъ, но она продолжаетъ свое ...

Вошли въ домъ, ввели ихъ въ гостинную, гдѣ на диванѣ сидитъ начальница—больше никого нѣтъ. Дѣвочекъ поставили по росту посреди комнаты. Наденька была выше всѣхъ и потому съ нея начался допросъ.

Ольга Ивановна медлено поднялась съ дивана, подошла къ Наденькѣ, и, показывая ей какое-то письмо, которое она держала въ рукѣ, суровымъ, столь несвойственнымъ ей тономъ, спросила, не знаетъ-ли она, кто это писалъ?

Наденька тотчасъ узнала руку Людмилы, но не желая выдавать подруги, отвѣтила, что она не знаетъ кто—и въ тотъ-же моментъ, замѣтивъ въ сосѣдней комнатѣ черезъ открытую дверь Марьюшку съ розгами, вся вспыхнула и смѣшалась,—что подало поводъ заподозрить, что она то именно и есть та виновница... Однако, сколько ни убѣждала ее Ольга Ивановна сознаться, она только плакала—и не сознавалась....

Стали допрашивать другихъ—тотъ же результатъ: виновной не оказывалось.

Тогда позвали Соньку и она, громко рыдая, указала на Людмилу. Людмилѣ волей—неволей пришлось сознаться и въ оправданіе свое она сказала, что не знала кому пишетъ.

Тѣмъ не менѣе, ее постигло неслыханное еще въ стѣнахъ пансіона наказаніе: Марьюшкѣ приказано было ее высѣчь, причемъ Ольга Ивановна замѣтила ей въ видѣ поученія, что розги были принесены только для острастки, и еслибы она сразу созналась и не подвергала другихъ опасности быть наказанными вмѣсто нея, ее не постигло бы столь позорное наказаніе...

На праздники обыкновенно дѣтей забирали родственники домой, но одну зиму, по причинѣ страшной мятели, Наденька

и Сашенька, а также Катенька Линькевичъ остались на Рождество въ пансіонѣ.

Когда непогода утихла, Ольга Ивановна рѣшила поѣхать погостить къ родственникамъ, причемъ забрала съ собой и дѣтей.

Помѣстились они всѣ въ огромномъ возкѣ (съ ними, конечно, и Ариша)—и отправились въ дорогу по прекрасному снѣжному пути.

Сперва погостили они у графа Д—на. Онъ былъ тогда уже вдовъ и изъ трехъ его сыновей дома находился только меньшой, Саша, лѣтъ пятнадцати, да его племянникъ такогоже возраста.

Здѣсь дѣти провели время очень весело и пріятно. Графъ Д—нъ, маленькій, живой и веселый старичокъ, очень любилъ дѣтей и не разъ собственной персоной участвовалъ въ ихъ играхъ... Между прочимъ, онъ научилъ ихъ играть въ „войну“

Но Катенька Линькевичъ и тутъ отличилась: она украла какое то украшеніе у большихъ бронзовыхъ часовъ; горничная замѣтила—и вышелъ скандалъ.

Отъ графа Д—на они поѣхали къ С—мъ, затѣмъ направили свой путь къ В—ой, крестной матери Ашеньки.

Г-жа В—ая была очень богатая, но бездѣтная помѣщица, вдова-генеральша, нѣмка по происхожденію. Высокая, худая и прямая, какъ жердь, чопорная старуха, она была страшно скупа, педантична и чванлива. Ходила она всегда сильно затянутая въ корсетъ, въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ очкахъ, и носила букли подъ кружевнымъ чепцомъ.

У нея была такая-же старая и чрезвычайно на нее похожая компаньонка и попугай, который каждому кричалъ „дуракъ“.

Дѣтямъ отвели отдѣльную комнату и туда имъ носили обѣдъ, причемъ кушанья подавались въ такомъ скромномъ количествѣ, а хлѣбъ рѣзался столь тонкими—до прозрачности—ломтиками, что они были постоянно впроголодь и съ нетерпѣніемъ ожидали той минуты, когда наконецъ оставятъ этотъ негостепріимный домъ.

Ольга Ивановна отъ времени до времени навѣдывалась къ дѣтямъ и, видя ихъ скучными и унылыми, со вздохомъ повторяла:

— Бѣдные, бѣдные дѣти!...

Но горю ихъ помочь не могла...

Здѣсь они пробыли дней пять.

Въ послѣдній годъ пребыванія Б—хъ въ пансіонѣ Козаковой, Ашенька и Наденька стали учиться ѣздить верхомъ подъ руководствомъ опытнаго берейтора.

Помнится матери слѣдующій эпизодъ, чуть не имѣвшій трагическихъ послѣдствій.

Однажды, когда Ашенька только что устроилась на сѣдлѣ, лошадь чего-то испугалась и понесла. Ольга Ивановна упала въ обморокъ. Но берейторъ не потерялъ присутствія духа и, вскочивъ на коня, стрѣлой помчался за Ашенькой вслѣдъ и изо всѣхъ силъ кричалъ ей:

— Не спрыгивайте съ лошади, или вы никогда больше не сядете на нее!...

Ашенька послѣдовала его совѣту и случай этотъ прошелъ благополучно.

Наденька и Сашенька пробыли въ пансіонѣ три года и съ глубокой печалью должны были оставить его по причинѣ тяжкой болѣзни г-жи Козаковой, которая уѣхала въ Одессу лечиться, а воспитанницъ распустила. Правда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она возвратилась, и ученицы стали было уже собираться, какъ вдругъ ей сдѣлалось опять хуже, и она вскорѣ умерла.

Разсказывали, что Ашенька съ безпредѣльной любовью и самоотверженіемъ ухаживала за больною матерью. Но лекарство, взятое изъ аптеки по рецепту доктора, производило странное дѣйствіе: больная принявъ его, въ буквальномъ смыслѣ слова лѣзла на стѣну отъ нестерпимаго страданія и кричала, что ее хотятъ отравить...

Но Ашенька глубоко вѣрила въ цѣлебную силу этого лекарства, и на колѣняхъ, со слезами, умоляла мать принимать его дальше.

Богъ знаетъ, что это было за лекарство и не былъ ли это одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ случаевъ ошибки аптекаря, которые и теперь нерѣдко повторяются у насъ!...

По смерти матери, Ашенька, совсѣмъ убитая горемъ, уѣхала съ братомъ на Кавказъ къ дядѣ. Говорили, что она вскорѣ, по желанію родственниковъ, вышла замужъ за одного доктора, человѣка уже не молодого, была несчастлива, и года черезъ два умерла.

Вообще эта кроткая, прелестная дѣвушка, съ печатью нѣжной меланхоліи на серьозномъ личикѣ, осталась въ воспоминаніи матери, какъ существо „не отъ міра сего“...

Катенька Линькевичъ вышла замужъ за богатаго старика—генерала. Улинька Ольшанская тоже вышла замужъ и была счастлива съ любимымъ человѣкомъ.

II. Пансіонъ г-жи Принцлейнъ.

Барышни Б—ія пробыли дома нѣсколько времени вслѣдствіе болѣзни матери, а потомъ Матрена Васильевна отвезла ихъ въ Конотопъ въ аристократическій пансіонъ г-жи Принцлейнъ, рекомендованный ей Кочубеемъ.

Сперва онѣ поѣхали только посмотрѣть и попали какъ разъ на танцкласс.

Всѣ дѣвицы были одѣты въ бѣлыя, кисейныя платья съ широкими рукавами, подобранными бантами изъ шелковой голубой ленты, и въ изящныхъ шелковыхъ голубыхъ передникахъ, составленныхъ изъ трехъ раздѣленныхъ полосъ, перехваченныхъ между собою такими-же бантами. Выходило очень эфектно!...

Наденька и Сашенька были въ восторгѣ и стали просить мать помѣстить ихъ здѣсь,—на что Матрена Васильевна, сама очарованная блестящей картиной, согласилась безъ труда.

Условіе было заключено: 500 руб. ассигн. въ годъ съ каждой (въ пансіонѣ Козаковой—300)—а черезъ недѣлю дѣвочекъ отвезли.

Это было зимою. Тутъ онѣ пробыли годъ.

Пансіонъ г-жи Принцлейнъ находился, какъ помнится матери, въ центрѣ города, но на какой улицѣ—она не помнитъ.

Домъ былъ большой, одноэтажный, съ высокими, свѣтлыми и просторными комнатами. Въ огромной залѣ, гдѣ происходили танцклассы, стоялъ рояль, и вокругъ стѣнъ тянулись длинные, безъ спинокъ, диваны, обитые ситцемъ. Такіе-же диваны были и въ классной, тоже очень большой комнатѣ, съ тремя столами посреди, скамьями, креслами для учителей и классныхъ дамъ и огромной черной доской на ножкахъ у стѣны.

Дортуары находились въ трехъ огромныхъ смежныхъ комнатахъ. Кровати, всѣ выкрашенныя въ зеленую краску, стояли въ два ряда изголовьемъ къ стѣнѣ, и всегда были покрыты, лѣтомъ и зимою, бѣлыми пикейными одѣялами.

Въ углу каждаго дортуара, за ширмами, находилась кровать классной дамы.

Вообще вся внѣшняя обстановка здѣсь имѣла внушительный, но холодный, непріютный видъ казеннаго зданія.

Форма пансіонерокъ состояла лѣтомъ изъ розовыхъ и голубыхъ платьевъ, надѣваемыхъ въ перемежку черезъ недѣлю, и, конечно, декольте; зимою—платья были шерстяныя, зеленыя, бѣлый передникъ съ лифомъ, доходившимъ до горла, и бѣлыми-же рукавами.

Ученицъ всѣхъ было тридцать шесть, три классныхъ дамы и три учителя—не считая законоучителя и танцмейстера. Два учителя были приходящіе, а одинъ, учитель музыки, жилъ въ пансіонѣ.

Г-жа Принцлейнъ — нѣмка — небольшаго роста, средней полноты женщина, весьма непріятной и даже отталкивающей наружности. Одѣта она всегда была въ шелковое, темное платье, всегда очень затянута, въ нарядной куафюрѣ и сильно молодилась, не смотря на свои преклонные лѣта и постоянную зубную боль, отъ которой она стонала и кричала на весь пансіонъ.

Мужъ г-жи Принцлейнъ, бывшій гораздо моложе ея, выглядывалъ, по воспоминанію матери, какимъ-то простымъ ремесленникомъ и не имѣлъ никакого значенія въ пансіонѣ. Это былъ маленькій, толстый и круглый человѣчекъ, съ добродушной, хотя тоже непріятной физіономіей, боявшійся, какъ огня, своей ревнивой супруги и не выходившій никуда безъ ея разрѣшенія изъ своихъ аппартаментовъ. Только изрѣдка, въ видѣ особой милости, позволялось ему поиграть въ „кошки и мышки“ съ ученицами.

Дѣтей у нихъ, кажется, не было.

Наденькѣ и Сашенькѣ, послѣ пансіона Козаковой, приходилось здѣсь только непріятно удивляться и удивляться безъ конца!...

Первое, что ихъ поразило, это то—что одна изъ классныхъ дамъ оказалась бывшей подругой Ашеньки, которой двѣнадцатилѣтняя Наденька сама не разъ поправляла ошибки во французскомъ языкѣ.

Встали онѣ на другой день своего пріѣзда, какъ и въ пансіонѣ Козаковой, въ 6 ч. утра, и, совершивъ свой туалетъ, конечно съ помощью Авдотьи, отправились вмѣстѣ съ другими пансіонерками въ классную на молитву: ихъ поставили въ ряды, и одна, выступивъ впередъ, громко читала молитву, а другія повторяли вполголоса за нею.

Окончивъ молитву, сѣли завтракать.

На завтракъ полагалась тарелка розмазни на двухъ...

Ни Наденька, ни Сашенька, избалованныя хорошей пищей, не притронулись къ этому завтраку, чѣмъ возбудили всеобщее удивленіе,—и порція ихъ въ одинъ мигъ была расхватана.

На закуску подали, подъ громкимъ названіемъ „чая“, по чашкѣ какой-то тепловатой, слегка подслащенной и приправленной снятымъ молокомъ водицы. Хлѣба-же къ завтраку вовсе не полагалось.

Когда оканчивали уже чай, вошла г-жа Принцлейнъ.

— Chère, maman!... chère, maman!... — повскакивавши со своихъ мѣстъ, въ одинъ голосъ радостно закричали воспитан-

ницы, только что ругавшія ее на чемъ свѣтъ стоитъ, и бросились всѣ на перебой цѣловать ей руку.

Пораженныя такимъ невиданнымъ лицемѣріемъ, Наденька и Сашенька точно прикипѣли къ своимъ стульямъ, и только, когда начальница совсѣмъ близко проходила мимо нихъ, онѣ молча поднялись, сдѣлали ей реверансъ и также молча сѣли на свои мѣста. (Онѣ, впрочемъ, и впослѣдствіи никогда не цѣловали ей руки).

Конечно, г-жа Принцлейнъ прекрасно замѣтила такое непочтеніе, оказанное ей новыми воспитанницами при всемъ классѣ, однако ничего не сказала, но только *приняла во вниманіе.*

Начались уроки. Б — хъ посадили въ приготовительный классъ, и съ ними никто не занимался, исключая законоучителя, который задалъ имъ урокъ изъ священной исторіи.

Такъ было и впослѣдствіи. Можетъ быть, желала г-жа Принцлейнъ наказать такимъ образомъ продерзость Наденьки и Сашеньки, но скорѣй это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что послѣднія слишкомъ много знали, гораздо больше, чѣмъ ея старшія ученицы, а это выходило, конечно, далеко не въ пользу ея заведенія; а тутъ черезъ полгода должны были быть экзамены, такъ не мѣшало-бы имъ нѣсколько призабыть... — разсуждала г-жа Принцлейнъ. Какъ-бы то ни было, фактъ тотъ, что ихъ не учили, не смотря на ихъ просьбы, и даже прятали отъ нихъ учебники.

Въ 12 ч. обѣдали. За столъ вмѣстѣ съ воспитанницами сѣли также и классныя дамы и учителя — въ креслахъ. Сама г-жа Принцлейнъ помѣстилась въ концѣ перваго стола, и обѣдъ ей подавался отдѣльный.

Разливала супъ одна изъ классныхъ дамъ, причемъ четыре куска говядины, находившіеся въ суповой чашкѣ, предназначались исключительно учительскому персоналу — воспитанницамъ же мяса вовсе не полагалось.

На второе блюдо подали какой-то оригинальный соусъ, состоящій изъ смѣси варенаго картофеля и гречневыхъ галушекъ, слегка приправленныхъ протухлымъ масломъ. Это блюдо, какъ узнали впослѣдствіи горькимъ опытомъ Наденька и Са-

шенька, было изъ лучшихъ, но теперь онѣ отнеслись къ нему не съ меньшимъ пренебреженіемъ, чѣмъ и къ завтраку.

За обѣдомъ, между прочимъ, произошла слѣдующая трагикомическая сцена, произведшая на нихъ удручающее впечатлѣніе.

Въ пансіонѣ были, какъ имъ уже успѣли сообщить новыя подруги, двѣ воспитанницы—Черняева и Кирилленкова, страдающія „собачьимъ голодомъ", худыя и страшныя, какъ скелеты.

Кириллепкова не знала въ этотъ день своего урока—спряженія французскихъ глаголовъ—и въ наказаніе ее лишили послѣдняго блюда.

Доведенная мучительнымъ голодомъ до отчаянія, она вдругъ вскочила съ мѣста, повернулась лицомъ къ г-жѣ Принцлейнъ, и, ударяя въ тактъ по столу кулакомъ, стала громко спрягать:

— Je ne mange pas des galouches!... (галушки).

— Tu ne manges pas des galouches!.. etc., etc.

Скандалъ вышелъ огромный!... Г-жа Принцлейнъ была страшно взбѣшена и тотчасъ поставила дѣвочку на колѣни. Но та не угомонилась и, стоя на колѣняхъ, продолжала все таки свое...

На полдникъ горничная принесла на большомъ подносѣ ломти чернаго хлѣба, посыпанные солью, и роздала ихъ воспитанницамъ.

(Когда бывалъ танцклассъ, дѣвицамъ не давали полдника, чтобы онѣ легче танцовали).

Наденька и Сашенька отказались отъ своей порціи и принялись кушать бублики, которые имъ купила на базарѣ Авдотья за ихъ собственныя-же карманныя деньги. Но лишь это замѣтили старшія воспитанницы, какъ мигомъ набросились на дѣвочекъ и отняли у нихъ бублики. Которая-то невольно вскрикнула при этомъ насиліи; Авдотья услышала, разъяренной тигрицей вскочила въ комнату и чуть не расправилась собственноручно съ обидчицами.

Онѣ ея боялись послѣ этого, какъ огня, и никогда больше не смѣли уже обижать ея „маленькихъ барышень"...

На ужинъ подали кулишъ, и въ 9 ч. воспитанницы легли спать, предварительно спѣвъ хоромъ „Боже Царя храни" и „Коль славенъ"...

Постели Б—хъ какъ разъ пришлись подлѣ кровати классной дамы Ч—ой, изъ ихъ родного городка. Это была милая, симпатичная дѣвушка, съ оригинальнымъ, очень смуглымъ неправильнымъ лицомъ, но узкими, какъ щелочки, черными, блестящими, смѣющимися глазами.

Она была любима всѣми въ пансіонѣ за свой добрый, веселый нравъ, и ея близкое сосѣдство было сущимъ благодѣяніемъ для Наденьки и Сашеньки.

Жизнь воспитанницъ въ пансіонѣ Принцлейнъ была просто нестерпима. Кормили ихъ всегда впроголодь и отвратительной, несвѣжей пищей. Былъ, напр., такой случай.

Однажды подали на ужинъ супъ съ плававшими въ немъ червями и издававшій ужасное зловоніе... Конечно, никто къ нему не прикоснулся, кромѣ Черняевой и Кирилленковой, которыя пожирали его со своей обычной жадностью. Позвали начальницу, благоразумно не появившуюся на этотъ разъ къ столу. Пришедши, она обрушилась страшнымъ гнѣвомъ на воспитанницъ и потребовала, чтобы онѣ ѣли супъ,—кто-же не желаетъ, пусть встаетъ и отходитъ въ сторону. Наденька, какъ болѣе строптивая, отказалась ѣсть, но Сашенька пыталась было повиноваться, и только поднесла ложку ко рту, ей сдѣлалось дурно... Г-жа Принцлейнъ круто повернулась и вышла изъ комнаты, не сказавъ ни слова... Этимъ дѣло и кончилось, но конечно дѣти остались безъ ужина.

Громадныя комнаты плохо отапливались, а въ зимніе долгіе вечера, когда не было уроковъ, также плохо освѣщались.

Дрожа отъ холода въ своихъ легкихъ платьяхъ, дѣвочки сбивались группами по угламъ диванова въ классной и залѣ, и шепотомъ передазали другъ другу разныя легенды о привидѣніяхъ, мертвецахъ, встающихъ изъ гроба, и т. п., и наконецъ о какихъ-то таинственныхъ собакахъ, будто-бы бродившихъ по вечерамъ въ полумракѣ этихъ огромныхъ, холодныхъ, пустынныхъ комнатъ.

Малѣйшій шорохъ, малѣйшій стукъ, заставлялъ дѣтей нервно вздрагивать, пугливо озираться, прижимаясь тѣснѣе

другъ къ дружкѣ, и смертельнымъ холодомъ леденилъ ихъ и безъ того окоченѣвшіе члены.

Взаимныя отношенія воспитанницъ тоже не были здѣсь простыя и дружескія, какъ въ пансіонѣ Козаковой — здѣсь дѣвицы „влюблялись“ одна въ другую, „обожали“ избранницу своего сердца, доходили чуть не до безумія въ припадкахъ ревности... У Наденьки, напр., были двѣ обожательницы—Катя Нестеренкова, очень некрасивая, рыжая, въ веснушкахъ, дѣвочка, и прелестная Ольга Филонова, приходящая, дочь учителя. Наденька, въ свою очередь была страстно „влюблена“ въ десятилѣтнюю Маню Никольскую, большую капризницу, которой она отдавала всѣ свои лакомства, и которая ею помыкала, какъ хотѣла...

Словомъ, здѣсь и „духъ“ былъ совсѣмъ иной...

Незадолго передъ экзаменами Наденька заболѣла сильно горячкой. Никакого спеціальнаго ухода за нею не было, и лежала она въ общемъ дортуарѣ, днемъ—одна одинешенька, предоставленная вполнѣ самой себѣ, ночью—среди спящихъ дѣтей. Только и ухаживала за нею во время болѣзни Ольга Филонова, дѣйствительно искренно привязавшаяся къ ней...

Когда Наденька очнулась наконецъ отъ своего долгаго забытья, она замѣтила при сумракѣ вечера, стоявшую у ея кровати на колѣняхъ фигуру дѣвочки, которая, положивъ голову на руки, горько плакала.

Это была Оля.

Потомъ, когда Наденька стала выздоравливать, она носила ей тайкомъ въ карманѣ копченыя сельди, соленые огурцы, сухія вишни, и другія незатѣйливыя, но кажущіяся необыкновенно вкусными послѣ болѣзни, лакомства... Надо еще сказать, что родители Оли были далеко не богатые люди, и эти затраты на подругу стоили ей несомнѣнно извѣстныхъ лишеній...

Мать живо помнитъ ея тонкое, изящное личико, съ большими, карыми глазами и густѣйшими, темными волосами, но что съ нею сталось впослѣдствіи—она не знаетъ...

Мѣжду тѣмъ, начались экзамены—сперва частные, такъ сказать пробные, безъ посторонней публики, а потомъ настоящіе, оффиціальные.

Первою вызвалъ директоръ Сашеньку—можетъ быть потому, что она была очень хорошенькая, бѣленькая, свѣженькая, съ темными глазами и волосами—и спросилъ, сколько она времени здѣсь?

— Полгода,—отвѣчала Сашенька.

Тогда онъ велѣлъ ей прочитать что-то изъ французскаго а потомъ перевести это по русски.

И то, и другое Сашенька исполнила блистательно, безъ ошибки.

Директоръ пришелъ въ восторгъ и разсыпался въ самыхъ лестныхъ комплиментахъ передъ г-жею Принцлейнъ, говоря что если эта воспитанница такъ много знаетъ за полгода, то другихъ и спрашивать даже не стоитъ.

За тѣмъ онъ обратился къ Сашенькѣ и сказалъ ей, что она необыкновенный ребенокъ, если знаетъ столько за такое короткое время своего пребыванія въ пансіонѣ.

Но Сашенька наивнѣйшимъ образомъ возразила, что не здѣсь вовсе она пріобрѣла эти знанія, а въ пансіонѣ Козаковой, гдѣ онѣ съ сестрой пробыли три года.

У директора физіономія сразу вытянулась, онъ поднялся, холодно раскланялся и удалился, не сказавъ ни слова.

Когда г-жа Принцлейнъ, кусавшая себѣ губы отъ безсильной ярости и смущенія, проводила директора и возвратилась назадъ, первымъ дѣломъ она подбѣжала къ Сашенькѣ, бѣшено схватила ее за руку, покрутила и бросила на колѣни. Тоже самое она продѣлала и съ другой ученицей, и съ третьей... словомъ со всѣми, исключая Наденьки и еще одной, которыя случайно находились въ другой комнатѣ.

Какъ разъ въ это время пріѣзжаютъ гости и застаютъ весь классъ на колѣняхъ...

Г-жа Принцлейнъ казалась очень сконфуженной и мотивировала свою строгость тѣмъ, что дѣвицы будто-бы заглядывали въ журналъ.

На оффиціальномъ экзаменѣ, гдѣ присутствовало много посторонней публики, всѣ воспитанницы были одѣты какъ и на танцклассѣ, т. е. въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ и голубыхъ шолковыхъ передникахъ что, конечно, выходило очень красиво и производило блестящій эффектъ.

Одна бѣдная Наденька, только что вставшая послѣ горячки, при своемъ не по возрасту высокомъ ростѣ, худая, желтая (еще Игорь въ пансіонѣ Козаковой называлъ ее „гробовой доской"), съ огромными, черными глазами, въ этомъ бѣломъ, воздушномъ платьѣ и въ бѣломъ съ желтыми, креповыми лентами чепчикѣ на бритой головѣ, была положительно ужасна и обращала на себя общее, далеко не лестное вниманіе...

Застѣнчивая и безъ того до дикости, теперь, когда ее вызвали, она ничего не видала вокругъ себя и едва сознавала, что говоритъ... Только и помнитъ, будто сквозь сонъ, что ей со всѣхъ сторонъ кричали:

— Довольно!.. довольно!.. она совсѣмъ больна!...

Тѣ воспитанницы, родственники которыхъ предупредительно привезли начальницѣ передъ экзаменами дорогіе подарки, получили награды. Наденька-же и Сашенька, также какъ и другія незаплатившія обычной дани,—только похвальные листы.

Помнятся матери два выдающихся эпизода изъ жизни ихъ въ пансіонѣ Принцлейнъ.

Однажды пріѣхали какія-то три дамы въ глубокомъ траурѣ съ плерезами, и одна изъ нихъ молоденькая дѣвушка поразительной красоты, но какая-то странная... Ихъ сопровождалъ пожилой, сановитый господинъ.

Переговоривъ съ начальницей, загадочные посѣтители уѣхали, но черезъ недѣлю привезли дѣвушку и оставили ее въ пансіонѣ.

Новую воспитанницу звали Машей. У нея были чудные, черные глаза, блѣдное, съ тонкими, правильными чертами лицо, и длинѣйшіе — до пятъ, черные, какъ воронье крыло, волосы... Она держалась особнякомъ, была очень печальна, и вообще казалась какой-то странной, ненормальной...

Въ тотъ-же вечеръ, когда Наденька и Сашенька съ подругами забрались въ свой излюбленный уголокъ на диванѣ въ залѣ (это было зимою) и бесѣдовали тихо о привидѣніяхъ, бродячихъ собакахъ, мертвецахъ, и т. п., — онѣ вдругъ услышали въ классной испуганные крики, суету, какой-то переполохъ, и къ ихъ неописанному ужасу, въ гостинную вбѣжала Машенька, съ распущенными волосами, дико горящими глазами, и, махая руками, будто крыльями, какъ безумная, промчалась черезъ всю комнату и исчезла за дверьми.

Дѣвочки чуть не умерли отъ страха.

Ночью повторилось тоже самое. Дѣвушка бродила по дортуару, какъ привидѣніе, въ одной сорочкѣ и съ распущенными волосами, что-то бормотала и заглядывала въ лицо спящимъ...

Паника достигла крайней степени. Дали знать родственникамъ, и на другой день Машеньку увезли. Говорили, что она продѣлывала тоже самое и въ другихъ пансіонахъ, гдѣ ее помѣщали, и осталось подъ сомнѣніемъ, была-ли она дѣйствительно помѣшанная (она потеряла недавно кого-то изъ близкихъ), или она только выдавала себя за таковую, не желая учиться?..

Другой эпизодъ—не столь печальнаго свойства.

Однажды, когда дѣвицы, по обычаю, пѣли передъ отходомъ ко сну гимны, къ ихъ дѣвичьимъ голосамъ неожиданно присоединились мужскіе басы. Оглядываются—и съ изумленіемъ видятъ двухъ юныхъ офицеровъ въ бѣлыхъ кителяхъ, должно быть, незамѣтно пробравшихся черезъ черный ходъ...

Конечно, дѣвицы подняли пронзительный визгъ и разбѣжались въ разныя стороны, а дерзновенныхъ попросили тотчасъ удалиться, пригрозивъ имъ въ противномъ случаѣ тѣмъ, что ихъ выведутъ...

На Рождество нѣкоторые изъ родственниковъ, пріѣхавъ въ пансіонъ за воспитанницами, вынуждены были переждать нѣсколько дней, пока не утихнетъ страшная мятель, свирѣпствовавшая тогда. (Въ эту мятель погибло много народу, и въ томъ числѣ, 30 рекрутъ, которыхъ везли закованными на крестьянскихъ подводахъ).

Между родственниками были и богатые купцы, навезшіе къ празднику начальницѣ, кромѣ другихъ цѣнныхъ подарковъ, много всякой дорогой, вкусной снѣди: стерлядей, осетрины, закусокъ, сластей, и т. п.

Волей — неволей пришлось г—жѣ Принцлейнъ, скрѣпя сердце, угощать этимъ оставшихся воспитанницъ—чего она никогда не сдѣлала бы при другихъ обстоятельствахъ.

А тутъ еще какой нибудь почтенный бородачъ, накладывая дѣвочкѣ полнѣе тарелку, добродушно приговариваетъ.

— Кушай, матушка, кушай!.. хватитъ на всѣхъ!..

Между тѣмъ, мятель успокоилась, и за Наденькой и Сашенькой пріѣхалъ старшій братъ, чтобы взять ихъ домой на праздники. Онъ только что возвратился изъ Петербурга и до сихъ поръ не имѣлъ понятія о пансіонѣ г—жи Принцлейнъ. Теперь же, побывавъ здѣсь лично и наслушавшись о немъ разсказовъ, онъ взялъ сестеръ совсѣмъ изъ пансіона, находя, что гувернантка въ домѣ будетъ для нихъ гораздо полезнѣе.

Над. М. Кибальчичъ.